

НАСЕЛЕНИЕ ПОРОСЬЯ В ПРЕДМОНГОЛЬСКИЙ И ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОДЫ

О.Б. Бубенок¹, А.Б. Головка²

¹ *Институт востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины
Киев, Украина
helgebub@gmail.com*

² *Институт украинской археологии и источниковедения
им. М.С. Грушевского НАН Украины
Киев, Украина
alexholovko@ukr.net*

Цель исследования: определить этнический состав населения бассейна р. Рось накануне прихода монголов в первой половине XIII в. и изменения в среде местного населения, связанные с вхождением Поросья в состав Золотой Орды.

Материалы исследования: письменные источники древнерусского, византийского, западноевропейского, персидского и монгольского происхождения; результаты археологических раскопок в бассейне р. Рось; данные топонимии.

Результаты и научная новизна: впервые был проведен сравнительный анализ свидетельств письменных источников и археологии об этническом составе населения Поросья как в предмонгольское время, так и в золотоордынский период. Это позволило проследить этапы смены прежнего населения Поросья на новых мигрантов. Так, удалось установить, что в начале XIII в. на левом берегу р. Рось преобладало тюркоязычное население, известное в письменных источниках как «торки» или «черные клобуки». Приход монголов сюда привел к оттоку значительных групп этого населения в степи Восточной Европы. Но некоторые торки продолжали жить на прежних местах, о чем могут свидетельствовать топонимы и гидронимы. В то же время, берега р. Рось золотоордынцы начали заселять военизированными подразделениями выходцев из черкесских земель и других регионов Золотой Орды. На эту мысль наводят результаты раскопок курганов возле сел Яблоновка и Таганча. В этом следует видеть продуманную политику золотоордынских правителей по укреплению этой части границы между Улусом Джучи и Русью, которая проходила вдоль течения р. Рось.

Ключевые слова: монголы, Улус Джучи, Золотая Орда, Западный поход, Поросье, Канев, торки, черные клобуки, черкесы, золотоордынцы

Для цитирования: Бубенок О.Б., Головка А.Б. Население Поросья в предмонгольский и золотоордынский периоды // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 478–505. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.478-505

THE POPULATION OF THE ROS' RIVER BASIN DURING THE PRE-MONGOL AND GOLDEN HORDE PERIODS

*O.B. Bubenok*¹, *A.B. Golovko*²

¹ *A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies
of the National Academy of Sciences of Ukraine
Kyiv, Ukraine
helgebub@gmail.com*

² *M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Sources Studies
of the National Academy of Sciences of Ukraine
Kyiv, Ukraine
alexholovko@ukr.net*

Abstract: *Research objectives:* To determine both the ethnic structure of the population of the Ros' river basin before the arrival of the Mongol armies in the first half of the thirteenth century and the changes to the local population after the inclusion of this region into the Golden Horde.

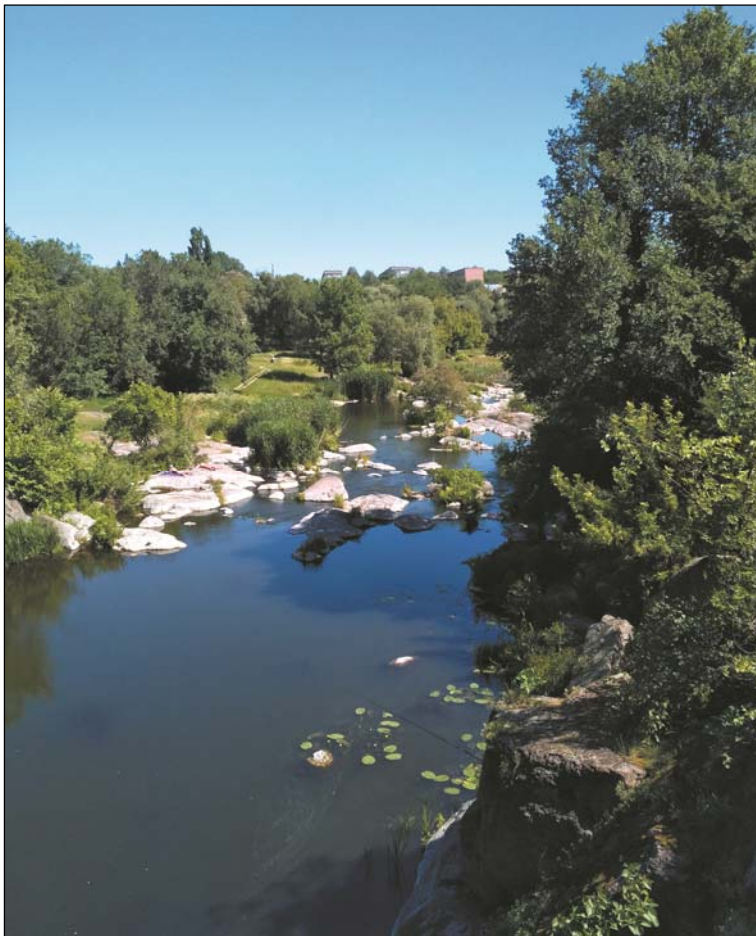
Materials: Written sources of Old Russian, Byzantine, Western European, Persian, and Mongolian origin; results of archaeological excavations in the Ros' river basin; toponymy data.

Results and novelty of the research: For the first time ever, a comparative analysis of the evidence of written sources and archaeology about the ethnic structure of the population of Ros' river basin was carried out not only for the pre-Mongol time, but for the Golden Horde period as well. As a result, it has been made possible to trace the stages of change among the former population of region. It has been established that for the beginning of the thirteenth century, the left bank of the Ros' river was dominated by a Turkophone population known in written sources as the *Torks* or *Black Hoods*. The arrival of the Mongols here led to the migration of significant groups of this population to the steppes of Eastern Europe. However, some *Torks* continued to live in their former locations according to the data of toponyms and hydronyms. At the same time, the Golden Horde rulers began to populate the banks of the Ros' river by the militarized immigrants from the Circassian lands and other regions of the Golden Horde. This has been proven by the results of excavations of barrows near the Yablonovka and Tagancha villages. This resettlement was the result of a pragmatic policy of the Golden Horde rulers aimed at strengthening this part of the border between the Ulus of Jochi and Rus', running along the Ros' river.

Keywords: Mongols, Ulus of Jochi, Golden Horde, Western campaign, Ros' river basin, Kanev, Torks, Black Hoods, Circassians, Golden Horde's people

For citation: Bubenok O.B., Golovko A.B. The Population of the Ros' River Basin during the Pre-Mongol and Golden Horde Periods. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 478–505. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.478-505

На протяжении многих столетий Среднее Поднепровье являлось контактной зоной между земледельческим и кочевым мирами. Особенно показательно в этом отношении Правобережье, где протекает р. Рось, которая является естественной границей между степью и лесостепью (ил. 1). Это и предопределило судьбу Поросья как пограничной территории в эпоху средневековья. На сегодня мы обладаем определенными сведениями о населении Поросья предмонгольского времени, и в то же время мы не имеем представления об этнодемографических процессах в данном субрегионе в золотоордынский период.

Ил. 1. Долина р. Рось (фото А.Б. Головки)

Fig. 1. The valley of the Ros' river (photo by A.B. Golovko)

В историографии давно сложилась традиция связывать ту или иную фазу средневековой истории населения причерноморских и северокавказских лесостепей и степей с именами кочевниками, которые в конкретную эпоху доминировали в этом ареале: гуннский, аварский, болгарский (протоболгарский), древневенгерский (угорский), печенежский, половецкий, монгольский (татарский, ордынский) периоды. Такой подход в определенной мере себя оправдал, хотя иногда его использование приводило и приводит к упрощенному представлению о прошлом из-за недостаточного внимания со стороны исследователей к другим, далеко не второстепенным обитателям степей. Среди подобных объединений, на наш взгляд, особый интерес представляет история тюркского объединения, известное в исторической литературе как «Черные клобуки», которое на протяжении длительного времени играло немаловажную роль в жизни средневековой Восточной Европы [8]. В предлагаемом очерке его авторы предлагают обратиться к истории малоизученного периода жизни указанного формирования в период, когда в регионе происхо-

дит утверждение нового политического формирования монголов Улуса Джучи, который позже будет именоваться как Золотая Орда¹.

Объединение тюркских структур «Черные клобуки» состояло из многих различных по величине и силе групп кочевников (печенеги, берендеи, коуи, каепичи и др.), но главными среди них, безусловно, были торки. Часто, когда в источниках XII в. упоминаются торки, речь может идти не только о них, но и об их союзниках. Возникло это объединение в бассейне правого притока Днепра реки Рось в конце XI – начале XII вв. Первыми среди будущих создателей черноклобуцкого объединения в Восточной Европе стали печенеги, которые доминировали в Северном Причерноморье почти полтора столетия. С появлением этих кочевников связаны гибель Великоморавской державы и переселение в Паннонскую долину из Дунайско-Днестровского междуречья племен угров [27, с. 88–126; 74, с. 159–186; 38, с. 21–78; 73 с. 69–74]. Французский хронист Регинон Прюмский под 889 г. сообщает: «...gens memorata a finitimis sibi populis, qui Pecinani vocantur, a propriis sedibus expulsa est, eo quod numero et virtute prestarent et genitale, ut premisimus, rus exuberante multitudine non sufficeret ad habitandum (упомянутый народ [угры. – авт.] был изгнан из своих мест соседними с ними народами, которые именуются Печенегами, поскольку те превосходили [угров. – авт.] числом и силой, а родина тех [печенегов. – авт.], как мы писали ранее, была недостаточной для для проживания их чрезвычайного множества» [75, р. 132].

Византийский василевс Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» (написан в 948–952 гг.) отмечает большое влияние печенегов на жизнь соседних стран и народов; отмечается, что территория, которую контролировали кочевники, делится на восемь «фем» (реально районов контроля кочевников) [39, с. 156–157]. Что для нас важно, одна из «фем» – Харавои – находилась рядом с «Росией» (Русью). Очевидно, она располагалась в бассейне р. Рось, на север от которого располагалась южная граница киевского государства. О. Прицак высказал интересную мысль, что именно в Поросье находился центр печенежских земель [54]. Исходя из описания Константина, в середине X в. печенеги контролировали всю лесостепь и степь Северного Причерноморья. Отметим, что известный специалист по истории

¹ В исторической литературе войска огромного Монгольского государственного формирования, которые пришли в Восточную Европу в 20-х – 30-х годах XIII в., часто называют «монголо-татарами» или «татаро-монголами» [63]. Однако в последнее время многие историки, возможно из-за связи с мифотворческим понятием «монголо-татарское иго», высказываются против использования этих терминов. Однозначно, что завоеватели, которые пришли в Восточную Европу в 30-х годах XIII в., возглавлялись представителями монгольского клана Чингизидов, который создал Монгольскую империю. Татарами на востоке называли другое племенное объединение, которое на определенном этапе межплеменного противостояния в Центральной Азии было противником монгольских племен [34, с. 139–147]. Однако в Европе именно монгольских пришельцев называли татарами, а в ходе кровавых войн в середине XIII в., кроме верхушки монгольского государства, этнических монголов в созданных Чингизидами формированиях уже практически не было. Преимущественно тюркоязычный состав правящего сословия этих формирований и их военные силы стали носить и общее имя татар. Исходя из этого, мы считаем возможным использование дефиниций «монголо-татары» или «татаро-монголы» (первая представляется лучшей) для определения специфики той военно-политической силы, которая совершила вторжение в земли народов Восточной и Центральной Европы в середине XIII ст.

номадов Г.А. Федоров-Давыдов считал, что у печенегов в первой половине XI в. появились определенные признаки ранней государственности [68, с. 219].

Во второй половине X в. в Восточную Европу начинают проникать из Средней Азии огузские (торчские) племена. Во время конфликта киевского князя Святослава с Хазарским каганатом союзниками Руси были огузские орды [45, с. 224–226]. На рубеже IX–X вв. огузы жили на юго-восток от Нижней Волги в Прикаспии и находились под патронатом Хазарского каганата [15, с. 147]. Арабский путешественник начала X в. Ахмед ибн-Фадлан, секретарь посольства аббасидского халифа ал-Мухтадира к волжским булгарам, отмечает, что он и его спутники попали в страну огузов сразу после перехода через плато Устюрт (район между Прикаспием и Приаральем) [35, с. 24, 97–98, 125–129].

В середине X в., судя из свидетельств Константина Багрянородного, огузы выходят из-под контроля хазар и начинают вместе с волжскими булгарами долгую войну против Каганата за полную независимость [39, с. 29, 51; 45, с. 226]. В это время племена огузов, вероятно, начинают перемещаться на запад, где районы их пребывания приблизились к восточным «фемам» печенегов, описанным выше греческим автором [39, с. 51]. Отмечая враждебность в отношениях печенегов и огузов в X в., которая особенно усиливалась по мере передвижения последних через Волгу и Дон в конце столетия, следует отметить, что значительная этническая и культурно-хозяйственная близость этих народов приводила к постепенному сближению и даже слиянию некоторых печенежских и огузских объединений [51, с. 17–18]. Позднее эти процессы (утрата печенежскими племенами контроля над территорией кочевий в Северном Причерноморье под давлением кипчаков-половцев) станут определяющими в отношениях кочевников – соперников половцев, что приведет в XII в. к постепенному возникновению «Черноклобуцкого объединения» [58, с. 91–109; 7, с. 13–25; 8, с. 45–64].

Отмечая факт масштабного продвижения торков на запад в Северное Причерноморье, необходимо отметить, что это была лишь часть большого огузского объединения. В X в. произошел распад единого огузского этнического массива [1, с. 178–187]. Большое объединение кочевников, которое приняло мусульманство, обошло Каспий с юга, прошло через Иранское нагорье в Малую Азию, где во второй половине XI в. создало государство турков-сельджуков [16, с. 22–34]. Передвижение торков в причерноморские степи было в начале XI в. направлено против печенегов, а не против Руси и ее владений в степи. Поэтому в древнерусских летописях известия о торках появляются только в середине XI в.

Ослабление печенегов создало условия для киевского князя Ярослава Владимировича (1019–1054 гг.), который начал процесс колонизации района южнее Киева на правом берегу Днепра между Стугной и Росью [42, стб. 150]. Потеря Поросья, наступление торков привели к кардинальным изменениям в жизни печенежских племен, вынудив главную их массу к переселению на Балканы. Аналогичная судьба ожидала и торков после вторжения в Северное Причерноморье половцев.

Во второй половине XI в., по разрешению южнорусских князей, начинается процесс оседания торков и печенегов в южнорусских княжествах,

прежде всего в Поросье и восточных районах Переяславльского княжества. Более удобным был первый ареал, поскольку его холмистый ландшафт создавал лучшие условия для обороны края. В Поросье во второй половине XI в. возник важный политический и военно-стратегический пункт – Торческ, который принадлежал торкам. Синхронное сопоставление сведений «Поучения» князя Владимира Всеволодовича «Мономаха» и летописных известий позволяет отнести первое известие о Торческе к 1083/84 г. [13, с. 117–118].

Активное противостояние Руси нападением половцев в 90-х годах XI в. стало причиной активизации неполовецкого кочевого населения, которое выступало союзником славян. В это время, кроме торков и печенегов, впервые упоминаются берендеи. Так, в 1098 г. теребовльский князь Василько Ростиславич призывает торков, печенегов и берендеев совершить совместный поход против Польши [42, стб. 266].

В XII в. в жизни неполовецких группировок на юге Руси произошли определенные социально-политические изменения, которые свидетельствовали о создании тут территориально-административной структуры, которую летописцы называют «Черные клобуки». Кроме торков, печенегов, берендеев, в это объединение входили коуи, турпеи, бастии и каепичи. В Поросье эти группы имели свои станы и пастбища, однако из-за ограниченности территории здесь происходит процесс перехода к полuosедлому способу хозяйствования [50, с. 63–65]. На протяжении многих десятилетий «черные клобуки» играли важнейшую роль в обороне южной границы Руси [58, с. 97–104; 4, с. 3–106]. Неоднократно они принимали участие и во внутривосточных конфликтах древнерусских князей. Так, известно, что «черные клобуки» оказали большую помощь галицкому князю Роману Мстиславичу в его войне против киевского князя Рюрика Ростиславича в 1201 г. [42, стб. 476]. В 1235 г. киевский князь Владимир Рюрикович прислал владимирскому (на Волыни) князю Даниилу Романовичу в помощь отряд торков, что помогло союзникам одержать победу над галицкими боярами и болоховскими князьями [26, стб. 775]. О пребывании тюркского населения в Поросье свидетельствует большой археологический материал, который начал накапливаться с XIX в., начиная с раскопок Н.Е. Бранденбурга [8, с. 47].

Информация о защитниках южной границы Руси «черных клобуках» (по тюркски «каракалпаках») была известна далеко за пределами Восточной Европы. Очевидно, о них хорошо знали руководители монголов, которые готовились к завоеванию Восточной и Центральной Европы. Вероятно, впервые монгольские воины встретились с «черными клобуками» еще в 1223 г. Мы не будем гадать на тему возможности их участия в походе войск коалиции Руси и половцев на Калку весной этого года, однако во время последующего после битвы вторжения монголов в пределы Киевской земли в июне нападавшие не могли миновать Поросье. Как известно, тогда войска монгольских полководцев Субедея и Джебе дошли до города Новгорода-Святополчского, который находился в нескольких десятках километров от Киева (ныне городище в полутора км на юг от села Витичев Обуховского района Киевской области) [26, стб. 745; 14, с. 55].

Появление монгольских войск на правом берегу Днепра в непосредственной близости от Киева свидетельствовало, что их руководители планировали захватить столицу Руси. Но вступив в пределы Южной Руси, Субедей

и Джебе поняли, что у них нет сил для продолжения похода, и монголы были вынуждены повернуть на восток. Однозначно, что кампания монгольских полководцев завершилась фиаско, поскольку они не выполнили приказ Чингиз-хана захватить одиннадцать стран и народов, подчинить город Кивамен-Кермен (Киев) [36, с. 188–189; 14, с. 55–56].

Вторая попытка подчинить Киев была предпринята царевичем Менгу во время похода монголо-татарских войск в Восточную Европу в конце 1239 г. Монгольская армия подошла к столице с левого берега Днепра, где находился городок-крепость Песочный (сейчас это местность возле села Троещина, которое входит в административную структуру современного Киева, и микрорайона Выгуриковщина-Троещина столицы Украины). Этот древнерусский форпост прикрывал паромную переправу, которой начиналась дорога с киевского Подола к Чернигову, откуда и прибыли завоеватели. Летописец пишет, что пораженный красотой города, Менгу не захотел его штурмовать [26, стб. 782]. На самом деле, у него не было сил для боевых действий против хорошо укрепленного города. Отказ от дальнейших военных действий на юге Руси в определенной мере связан и с желанием монгольского полководца отправиться с войском на Северный Кавказ, где он вскоре и появился в районе города Магас.

На протяжении первой половины 1240 г. хан Бату подготовил большое войско для завоевания двух наиболее крупных южнорусских городов – Киева и Владимира (на Волыни), что открывало ему дорогу в Центральную Европу. Понимая возможность осложнений в ходе будущего штурма столицы Руси, монголы летом 1240 г. переправились на правый берег Днепра и начали операцию против хорошо укрепленного пограничного района в Поросье. Говоря о значительном месте в кампании борьбы монгольских войск с «черными клобуками» важно вспомнить информацию персидского автора Рашида ад-Дина, который писал о том, что в 1239–1241 гг. «царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок и в 9 дней взяли большой город русских, которому имя Манкерман» [62, с. 37]. Можно предполагать, что сочетание «страна русских и народа черных клобуков» обозначало «Черноклобуцкую волость» на юге Киевской земли, где вместе жили и тюркское, и славянское население [70, с. 380].

На протяжении второй половины лета – первой половины осени 1240 г. монгольские войска уничтожили города-крепости Поросья, что создало им благоприятные условия для продвижения на север к Киеву. В ходе археологических исследований было найдено более двух десятков городищ, которые были остатками уничтоженных монголами фортификационных объектов [31, с. 117–120; 71, с. 70–72]. Об уровне ожесточенности боев в Поросье свидетельствует то обстоятельство, что о них имеется информация в средневековой хронике далекого Китая [70, с. 381–385]. Для исследователей большой интерес представляет дальнейшая судьба черных клобуков.

Так, первая гипотеза была предложена еще в XVIII в. Н.М. Карамзиным в его «Истории государства Российского» и связывала появление названия *Черкасы* в Поднепровье с «Торками и Берендеями», что имело отношение к событиям предмонгольского периода [30, с. 243]. Таким образом, российский историк считал, что черные клобуки никуда не исчезали из Поросья при монголах. В данном случае можно увидеть совпадение его идеи с фрагментом

Воскресенской летописи, датированным 1152 (6660) г. [11, с. 56]. Кроме того, Н.М. Карамзин первым высказал оригинальную идею относительно связи черных клобуков с каракалпаками Приаралья [29, с. 121, прим. 218].

Идея Н.М. Карамзина о связи потомков черных клобуков с черкасами Поднепровья и каракалпаками Средней Азии нашла поддержку в работах некоторых исследователей XIX – начала XX вв. К ним следует отнести И. Березина, Ф. Бруна и др. [5, с. 106; 6, с. 115].

В то же время В.И. Масальский склонен был связать происхождение каракалпаков с печенегами [43, с. 390–391]. В связи с этим следует напомнить, что в составе племенной конфедерации «Черных Клобуков» в Поросье, кроме торков и других тюркоязычных групп, были также печенеги. По этому поводу Д.А. Расовский подчеркнул: «Известно, как при монголах далеко могли оказаться от мест своего первоначального поселения отдельные, покоренные ими народности» [59, с. 109, прим. 427].

Однако П. Голубовский, а также современный исследователь О. Гундогдыев не сомневались в том, что торки, как правобережные, так и левобережные уже в предмонгольский период подверглись ассимиляции со стороны славянского окружения [15; 13; 20].

Такой подход отличается от взглядов М.С. Грушевского и Д.А. Расовского. Так, М.С. Грушевский считал, что основная масса чёрных клобуков вынуждена была вернуться в степи и «слиться с татарской ордой» [19, с. 550–551]. Такого же мнения придерживался и Д.А. Расовский [59, с. 109]. В советское время подобные взгляды имел Г.А. Федоров-Давыдов, который опирался на данные археологических раскопок как в Поросье, так и вне пределов бассейна р. Роси [65, с. 153].

* * *

В итоге, отметим, что гипотеза Н.М. Карамзина о связи черных клобуков с основанием города Черкассы в Среднем Поднепровье не имеет под собой существенных оснований. Уж слишком значителен хронологический разрыв между последним упоминанием о черных клобуках при описании событий первой половины XIII в. и первыми сведениями документов о нахождении черкас в Поднепровье, относящимися к концу XIV в. Еще больше времени прошло между последними упоминаниями о черных клобуках, датированными событиями первой половины XIII в., и первым упоминанием о народе каракалпаки в Приаралье. Так, первые исторические сведения о каракалпаках относятся лишь к 1598 г. [24]. Следует отметить, что в этнонимии тюркских народов довольно часто встречаются названия, указывающие на цвет головных уборов их носителей: племя в Турции *карапахахи* – «черные папахи» [23, с. 139]; центральноазиатские племенные группы *ак боркли* – «носящие белые шапки»; и *кара боркли* – «носящие черные шапки» [3, с. 204–205].

Для гипотезы о переселении монголами в степь черных клобуков появились археологические основания несколько десятилетий назад. Г.А. Федоров-Давыдов отметил в золотоордынское время, которое он назвал IV периодом в истории кочевников южнорусских степей, передвижение полукочевого населения из Поросья в другие районы юга Восточной Европы. Об этом он писал: «Следует отметить продвижение кочевых масс в IV (золотоордынский пери-

од) в район Тираспольского течения Днестра и в район Самары на Днепре. В этих местах в предыдущие периоды половецкое население было весьма скудным... основываясь на составе погребальных типов в этих местах, можно в какой-то степени реконструировать направление основных движений половцев в золотоордынский период. ...Так, следует обратить внимание на тот факт, что увеличению населения в Поднестровье соответствует резкое уменьшение кочевого населения в Поросье. Учитывая это, мы можем предположить, что часть поросских племен передвинулась в Молдавию, подобно тому как часть поросских кочевников переселилась в Поволжье...». По словам исследователя, это движение поросских племен в районы Поднестровья и Поволжья находит подтверждение в вещевом материале. В качестве доказательств он приводит «серьги или височные кольца типа IV и (их вариант) типа V». Г.А. Федоров-Давыдов считал, что такие серьги в домонгольское время были распространены только в Поросье и на Киевщине [65, с. 153].

Однако маловероятно, чтобы все черные клобуки Поросья могли уйти при монголах в степи. Топонимия может свидетельствовать о сохранении части это населения (ил. 2). Так, в Ставишенском р-не Киевской обл. до сих пор существует село *Торчица*, возле которого обнаружены остатки городища древнерусского времени. Возле села Юрковка того же района находится с. *Торчицкий Степок*. Весьма любопытно, что с. Стрижавна Ставишенского р-на расположено на левом берегу реки *Торча*, притока Тикича (районный центр Ставише расположен от Киева в 136 км) [33, с. 597, 618]. Кроме того, О. Гундогдыев отметил на землях бывшего Киевского княжества еще другие названия населенных пунктов: *Торчин*, *Торков*. Приводит он также и другие гидронимы: *Торчи* (приток Роси), *Торчанка*. Имеются и названия местностей: *Торчицкие взгорья*, *урочище Торч* [20, с. 134]. Все это находилось на левобережье р. Рось (ил. 2).

Таким образом, данные топонимии могут свидетельствовать в пользу того, что в золотоордынское время не все торческое население в районе Поросья было переселено монголами вглубь степи. Поэтому можно считать, что в бассейне реки Торчи это население оставалось и при монголах.

Иоанн де Плано Карпини в 1246 г., проезжая из Киева в Канев, ничего не сообщал о черных клобуках [32, с. 67–68]. Получается, что монголы стали отселять значительные группы черных клобуков из Поросья сразу же после их покорения в 1239 г. Хотя это молчание путешественника можно объяснить и тем, что в Поросье он дальше Канева никуда больше не заходил. Однако тогда не ясно, кто проживал в монгольское время южнее течения Роси, на правом ее берегу.

По воле случая, Н.М. Карамзин стал основателем другого направления в изучении этнического состава населения Поросья в золотоордынское время, ибо утверждал, как уже отмечалось, что при монголах в Поросье обитали черкасы, правда торческо-берендейского происхождения, которые основали южнее Канева, находившегося близ устья Роси, поселение Черкассы [30, с. 243]. Но последнее событие стало объектом особого интереса в дореволюционной российской историографии. Зачастую это диктовалось идеологическими соображениями, ибо этноним «черкасы» одно время служил для обозначения части «малороссийского» (украинского) населения. В то время получили распространение несколько гипотез.

Однако возобладало мнение, что в Среднее Поднепровье могли переселить адыгов-черкасов с Северного Кавказа ещё правители Золотой Орды в конце XIII – начале XIV вв. Оно было очень популярно среди историков Российской империи в XVIII–XIX вв. Согласно этой гипотезе, переселенцы-черкасы и дали название поселению Черкассы. Этому мнению придерживались многие российские историки. Несколько десятилетий назад это даже стало основанием для В.Ф. Горленко написать большую статью историографического характера «Об этнониме Черкассы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX в.» Данную гипотезу поддерживали В.Н. Татищев, И. Болтин, И.Г. Георги, А. Шафонский, А. Ригельман и другие историки [18, с. 96–107].

Таким образом, гипотеза об основании города Черкассы золотоордынскими правителями оформилась среди российских историков уже в XVIII – начале XIX вв. При этом основание крепости Черкассы на Днепре российские историки относили к разному периоду: одни связывали это с событиями конца XIII в. (1282 г.) – И. Болтин, М.И. Антоновский, авторы «Словаря географического Российского государства», Д. Бантыш-Каменский; другие же относили основание г. Черкассы к XIV в. – В.Н. Татищев, А. Шафонский, А. Ригельман и др. Из современных исследователей, кроме В.Ф. Горленко, в возможность такой миграции верили также северокавказские исследователи Дж.Н. Коков и Н.Л. Шафиев [37, с. 156–157; 72, с. 32–33]. По данной проблеме существуют и другие гипотезы, что, впрочем, не имеет прямого отношения к теме статьи. Отметим, что при этом обычно не акцентировалось внимание на том, доходили ли владения переселенцев-черкасов на севере до Канева, который находился севернее устья р. Рось на расстоянии нескольких километров.

Об этом говорить стало возможно лишь после того, как в конце XIX в. была опубликована ранняя фиксация легенды об основании крепости Черкассы, которая содержалась в одной из литовских люстраций (переписей, ревизий) Каневского и Черкасского замков, датированной 1552 г. Там речь шла о том, что великий Литовский князь Гедимин, который правил в начале XIV в., не только переселил с Северного Кавказа черкасов, но и заселил ими новое поселение, носящее название Черкассы, а также Канев [2, с. 103]. В данном случае, следует признать, что еще в XVI в. считали, что потомки северокавказских черкасов проживали не только в Черкассах, но и в Каневе, расположенном недалеко от впадения р. Рось в Днепр. На это обратил внимание В.Ф. Горленко, который высказал идею, что до середины XVI в. адыгичеркасы заселяли не только крепость Черкассы с окрестностями, но и крепость Канев с округой. К этой мысли его привел также анализ имен и названий, содержащихся в литовских люстрациях Каневского и Черкасского замков, датированных 1552 г. [18, с. 105].

Идея о нахождении адыгов-черкасов в Поросье обрела материальное подтверждение совсем недавно после того, как М.В. Горелик нетрадиционно подошёл к интерпретации уже известного материального комплекса из захоронения кургана № 69, обнаруженного на Яблоновском могильнике вблизи г. Белая Церковь (летописный Юрьев), но на правом берегу р. Рось (ил. 2). Анализ вооружения, сопровождавшего похороненного здесь мужчину-воина,

позволил М.В. Горелику считать, что «здесь был похоронен золотоордынский воин-черкас» [17, с. 73–88].

Как видим, до сих пор неясно, какие этнодемографические процессы происходили в Поросье при монголах. Мы не знаем, была ли резкая смена населения в субрегионе. К тому же непонятно, какие функции выполняло Поросье в административно-территориальной системе Улуса Джучи.

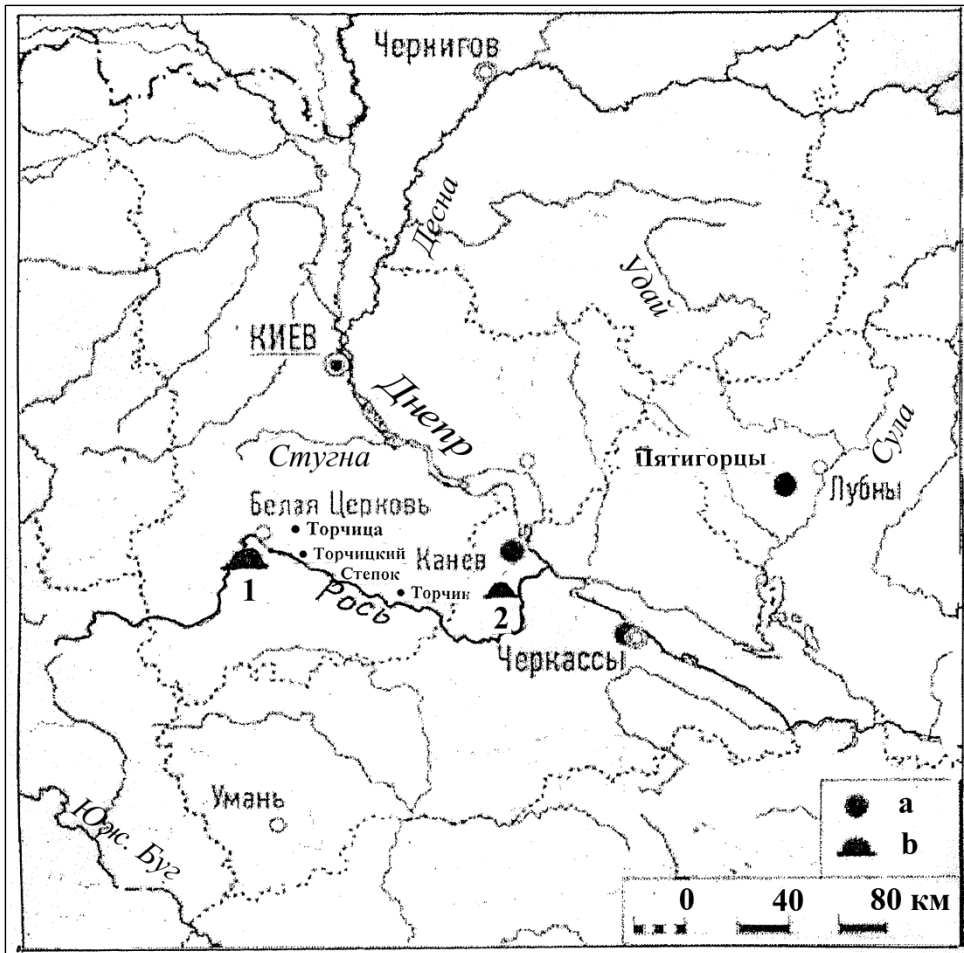
Нам кажется, чтобы ответить на поставленные вопросы необходимо привлечь для сопоставления не только сведения письменных источников, но и данные археологических раскопок, названия топонимического характера и т.п. И анализировать процессы представляется лучше в хронологической последовательности. Естественно, в первую очередь следует обратиться к данным письменных источников.

Известно, что в последний раз черные клобуки упомянуты под их общим именем в 1202 г. Последнее же упоминание о правобережных торках относится к 1235 г. [25, с. 174]. Далее древнерусские летописи о них молчат. Однако это не означает, что к моменту нападения войск Батыя на Киев торков там не было. Как уже отмечалось, Рашид ад-Дин свидетельствует о том, что черные клобуки или торки в 1239–1240 гг. еще оставались там [60, с. 44–45]. Персидский автор использовал для обозначения черных клобуков в одном случае термин «коум-и сийах-кулахан» – «народ черношапочников», а в другом случае – «коум-и кулах-и сийахан» – «народ (племня) шапок черных» [61, с. 162]. Как уже отмечалось, Иоанн де Плано Карпини, который в начале 1246 г. проезжал из Киева в Канев, ничего не сообщает ни о «черных шапках» или торках, ни о черкасах, ни о куманах-половцах [32, с. 67–68]. Стало быть, с 1240 г. по 1246 г. черные клобуки переселились на другие территории. Напомним также, что данные топонимии свидетельствуют о том, что часть торков осталась под Киевом на левобережье р. Рось.

Следует обратить внимание на то, что некоторые документы подтверждают нахождение черкасов в Каневе. Пока такое наиболее раннее упоминание содержится в одной из литовских люстраций Каневского замка, датированной 1552 г. В ней говорится: «Отъ початку Черкасовъ и Канева уходы по всимъ тымъ рекамъ вольны были Каневъцомъ, бо яко князь великій Литовскій Гедиминъ, завоевавъши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ и Черкасы Пятигорское, и приведъши Черкасовъ часть з княгинею ихъ, посадилъ ихъ на Снепороде, а иныхъ на Днепре, где теперь Черкасы сидять, а Снепородцевъ посадилъ на Днепрежъ у Каневе и сидячи Снепородце на Днепре у Каневе, предся отъчизны свои по речкамъ инымъ Севирскимъ уходити не престали» [2, с. 103]. Весьма характерно, что на противоположном от г. Черкас и г. Канева левом берегу Днепра на берегу р. Снепород, правом притоке Сулы, до сих пор существует с. Пятигорцы (ил. 2).

Однако известно, что Гедимин – великий князь литовский, единолично правил с 1316 по 1341 гг. Поэтому получается, что город Черкасы был основан в первой половине XIV в. Однако нет никаких известий о походе Гедимина на Кавказ, откуда он мог привести адыгов-черкасов. Смущает значительный хронологический разрыв между описанным событием и первым упоминанием о нем в документе – более 200 лет. Сто лет назад Л.В. Падалка высказал предположение, что народ «черкасы» и город Черкасы появились в Среднем Поднепровье после Крымского похода литовского князя Ви-

товта, а не Гедимины [48, с. 42]. Очевидно, исследователь имел в виду поход Витовта в 1426 г. Таким образом, записанная в литовской люстрации 1552 г. легенда о переселении Гедимином черкасов из кавказского Пятигорья в Поднепровье может являться заказной фальсификацией.

Ил. 2. Этническая ситуация в бассейне р. Рось в конце XIII – первой половине XIV вв.:

a – позднесредневековые поселения предположительно с торческим и адыгским населением, b – курганные могильники;
1 – с. Яблоновка, 2 – с. Таганча

Fig. 2. The ethnic situation in the Ros' river basin at the end of thirteenth to first half of fourteenth century:
a – late medieval settlements presumably with the Turk and Adyge population, b – burial mounds;
1 – Yablonoivka village, 2 – Tagancha village

До недавнего времени исследователи не подвергли анализу топонимы, которые содержатся в люстрациях Каневского и Черкасского замков, датированных 1552 г. Однако там имеются названия, которые испытали славянскую обработку, но их невозможно объяснить из индоевропейских или алтайских языков. Но сделать это с помощью кавказских (адыгских) языков, кажется, вполне возможно. Так, в люстрации Каневского замка упомянуто «Селище замьково *Tenceev* на Рси, 5 миль от замьку» [2, с. 101]. Если отбросить славянское окончание, то получаем начальные формы – **Tenceй* ли **Tence*. Последняя форма очень хорошо соотносится с современным топонимом на Западном Кавказе – *Tuance*, который Дж.Н. Коков объясняет из адыгских языков как «две реки, двуречье» [37, с. 264–265]. В нашем случае появление топонима *Tenceev* можно объяснить тем, что поселение находилось между двух рек – Рось и Днепр.

Там же находилось «село *Тулибле* у версти оть замьку» [2, с. 99]. В конце люстрации Каневского замка упомянуты и жители этого села как «*Тулибцы*» [2, с. 105]. Исходя из этого, можно считать первоначальной формой топонима термин **Тулиб*. Дж.Н. Коков отметил на Северном Кавказе существование подобного топонима *ТхьальэIунI(э)* [Тхатлаупа], что означает «место, где происходит молитва» [37, с. 264–260].

Недалеко от Канева было зафиксировано также и «селище Дердева, пусто, землянское» [2, с. 98]. Если отбросить славянское окончание, то получаем приблизительную первоначальную форму – **Дерд-*, что напоминает кабардинское слово *Дурдыл* – «необычайно живописное, красивое». В данном случае имеет резон видеть в первоначальном названии термин с семантикой «Красивое (место)», что полностью согласуется с природой Среднего Поднепровья.

Имеет значение и анализ антропонимов. Так, в люстрации от 1552 г. среди большого количества имен местных жителей различного происхождения в Каневском замке упомянут антропоним «*Степанец Пятигорчин*» [2, с. 104]. Напомним, что на противоположном берегу Днепра находилось село Пятигорцы в бассейне р. Слипород, которая является правым притоком р. Сулы (ил. 2). Добавим к этому, что в легенде об основании города Черкассы из литовской люстрации отмечено, что князь Гедимин завоевал «...Черкассы Пятигорское...» [2, с. 103]. В.Ф. Горленко считал, что в литовской люстрации 1552 г. кроме имени «*Степанец Пятигорчин*» были и другие антропонимы, вероятно, кавказского происхождения [18, с. 105]. Проведенный анализ позволил выделить еще большее количество таких «подозрительных» антропонимов. Так, среди жителей Каневского замка упомянут «*Федко Басанский*» [2, с. 103]. В связи с этим следует привести наблюдения Дж.Н. Кокова о распространении среди адыгов антропонима *Бахьсэн*, сохраненного до сих пор как фамилия *Бахьсэн-хэ* (*Баксановы*). По мнению исследователя, это родовое название является производным от названия реки *Бахьсэн* (*Баксан*) на Северном Кавказе [37, с. 148–149].

Как видим, анализ названий из люстрации Каневского замка от 1552 г. дает определенные основания говорить о том, что среди жителей Нижнего Поросья находились потомки выходцев с Северного Кавказа. Но неизвестно, появились ли их предки в Поросье при монголах или литовцах. Для решения

данного вопроса нам представляется перспективным привлечение результатов археологических раскопок.

В связи с этим особый интерес могут представлять материалы, полученные при исследовании курганного могильника у села Яблоновка Белоцерковского р-на Киевской обл. (ил. 2), расположенного на правом берегу р. Рось. Исследователи этого некрополя – Р.С. Орлов, А.П. Моця и П.М. Покас – выделили здесь 169 курганных насыпей. Для большинства захоронений здесь было характерно наличие под курганной насыпью труположений на уровне древнего горизонта. Такой же обряд не был известен предыдущему местному населению. По наблюдениям исследователей могильника, «в XI–XII вв. ингумации на уровне древней поверхности встречается в северных районах Восточной Европы и на юге древнерусского государства – только в землях древлян» [46, с. 49–55].

Особый интерес представляет инвентарь из этого могильника, который находит определенные аналогии среди древностей предмонгольского времени на Северном Кавказе. Так, в курганах №№ 15, 69, 161, 157 были найдены аналогичные северокавказским зеркала, в курганах №№ 4, 17, 69 – сабли, в курганах № № 93, 162 – детали конского снаряжения, воткнутые в землю под курганной насыпью №№ 3 и 102 наконечники стрел и копий, и т.п. Ближайшие аналогии этого инвентаря исследователи Яблоновского курганного могильника нашли среди находок Змейского катакомбного могильника (X–XII вв.) в Северной Осетии [46, с. 55]. Именно это позволило исследователям говорить «об определенных связях поросских славян с алано-яскими группами, которые входили в состав населения половецкой степи» [46, с. 55].

Однако антропологические исследования, проведенные П.М. Покасом среди краниологичних серий с Яблоновки, не выявили присутствия долихокранов так называемого «средиземноморского» типа, связываемого с аланами, хотя большинство черепов оттуда принадлежали к европеоидному типу и там был представлен «значительный элемент населения со значительной монголоидной примесью». По мнению П.М. Покаса, Яблоновская серия «занимает будто промежуточное положение между сериями древнего Юрьева и другими сериями Поросья». Однако Яблоновские серии черепов, по словам П.Н. Покаса, «более широколобые и широконосы и имеют небольшую уплощенность в верхней части лица». Это не помешало исследователям Яблоновского курганного могильника отнести оставившее его население к славянам [53, с. 66–75; 46, с. 57–60]. Однако П.П. Толочко считал, что население, которое оставило этот курганный могильник, проживало здесь в предмонгольское время и входило в состав черноклобуцкого союза [64, с. 100].

И совсем недавно М.В. Горелик нетрадиционно подошёл к интерпретации этих археологических материалов. Речь идет о захоронении кургана № 69, обнаруженного на Яблоновском могильнике вблизи г. Белая Церковь (летописный Юрьев), которое оказалось единственным опубликованным, в отличие от остальных захоронений 168 курганов [46, с. 49–55].

Особый интерес могут представлять следующие наблюдения М.В. Горелика: «В рассматриваемом же памятнике погребение было совершено по обряду ингумации на горизонте, что являлось традиционным способом погребения древних адыгов, особенно ярко представленным в материалах древнеадыгской-золотоордынской белореченской культуры XIV–XV вв. Вооруже-

ние, сопровождавшее похороненного мужчину-воина, не оставляет никаких сомнений ни в его этнокультурной принадлежности, ни во временном отрезке, на который пришлась его жизнь» [17, с. 73–88]. В качестве доказательства своей гипотезы М.В. Горелик привел «остатки круглого щита $d=70$ см», а также перекрестие сабли [17, с. 74]. Датированными и маркированными оказались также бытовые предметы [17, с. 75].

Все это дало основания М.В. Горелику считать, что «здесь был похоронен золотоордынский воин-черкес», реконструкцию вооружения которого он и сделал. В результате последовал очень важный вывод: «Можно предположить, что мы рассмотрели погребение одного из тех черкесских воинов, которые были переселены золотоордынской администрацией в стратегически важный район для укрепления позиций против начинавшегося усиления и претензий на данный регион Великого княжества Литовского и Русского. Переселение могло иметь место от середины XIII в., когда Среднее Поднепровье вошло в границы кочевий чингизида Хурмиши (Куремсы), до 1362 г., когда в битве при Синих Водах Ольгерд Литовский отвоевал у Улуса Джучи власть над Киевщиной». В результате, по мнению исследователя, и появилось поселение, носящее имя переселенцев – «Черкассы» [17, с. 75]. Действительно, курганный могильник возле с. Яблоновка и г. Черкассы находятся недалеко друг от друга (ил. 2). Но этот вывод был сделан на основании изучения погребения одного лишь кургана из 169 курганов. В действительности ситуация может оказаться намного сложнее.

Так, М.В. Горелик, говоря об исследованном погребении из кургана № 69, отметил, что оно было совершено по обряду ингумации на горизонте, что находит аналогии «в материалах древнеадыгской-золотоордынской белореченской культуры XIV–XV вв.» [17, с. 73–88]. Но для сравнения так и не были привлечены материалы с самого Белореченского курганного могильника.

По наблюдениям В.А. Фоменко, погребальный обряд отмеченных курганов на Северном Кавказе существенно отличался от поросских: там были грунтовые ямы в курганах прямоугольной формы, в которых прослежены деревянные гробы, гробовища и колоды. Среди погребальных конструкций были и относительно немногочисленные «деревянные склепы» на горизонте. Одно захоронение было совершено в медном гробу. Трупоположения были вытянуты головой на запад [68, с. 118]. А возле с. Яблоновка в Поросье в подавляющем большинстве исследованных курганов обнаружены остатки трупоположений на уровне древнего горизонта [46, с. 49, 55]. Поэтому приходится признать, что выходцы из района Белоречья в Прикубанье не могли оставить курганный могильник вблизи с. Яблоновка в Поросье. Но ими могли быть переселенцы из других районов Северо-Западного Кавказа.

Подобные курганные ингумационные могильники с захоронениями на уровне древней поверхности имели широкое распространение в районе Пятигорья. Наиболее показательным из них является могильник в урочище Гора, располагавшийся на возвышенности левого берега р. Подкумок. Он насчитывал 62 насыпи, из которых раскопано 14. И.А. Дружинина датирует этот памятник концом XIII – XIV вв. [21, с. 256–366]. В глаза бросается связь с Пятигорьем.

В связи с этим, следует привести фрагмент сочинения Георгия Пахимера (1242 – около 1310 гг.) «История о Михаиле и Андронике Палеологах», где

сообщается, что среди подвластных хану Ногаю народов Северного Причерноморья были зихи [12, с. 317]. Как известно, зихами византийцы называли черкесов. Георгий Пахимер, живший в конце XIII – начале XIV вв., был современником описанных событий, и поэтому его сообщение о нахождении зихов-черкесов уже во второй половине XIII в. в Северном Причерноморье заслуживает доверия.

Известно, что правитель Ногай в 70-е гг. XIII в. отделился от ханов Золотой Орды и правил в Северном Причерноморье вплоть до 1300 г. [40, с. 66]. Естественно, что в своих экспансионистских намерениях Ногай должен был опереться на значительные вооруженные силы. Известно, что в 1262–1263 гг., во времена правления хана Берке, Ногай активно участвовал в боевых действиях на Кавказе [22, с. 33]. Не исключено, что в это время Ногай мог включить в состав своего войска подразделения из числа народов Северного Кавказа, включая черкесов (черкасов), и использовать их боевой потенциал в Северном Причерноморье. Как видим, это сообщение источника конца XIII – начала XIV вв., написанное Георгием Пахимером, подтверждает, что во второй половине XIII в., во времена возвышения Ногай, в Северном Причерноморье уже проживали зихи (адыги). При этом так и неясно, кого упоминал в данном случае Георгий Пахимер – жителей Среднего Поднепровья или Юго-Западного Крыма. Однако имеются основания говорить о столь раннем появлении адыгов именно в Среднем Поднепровье.

Так, исследователи курганного могильника вблизи с. Яблоновка в Поросье отметили также в кургане № 3 «остатки кремации умершего» [46, с. 49, 55]. В связи с этим особый интерес могут представлять наблюдения А.В. Пьянкова, который проанализировал все известные случаи бытования наиболее поздних кремаций на Северо-Западном Кавказе. По его мнению, «погребения с трупосожжениями, которые можно было бы отнести ко времени позднее XIII века нам не известны» [55, с. 25].

Возникает вопрос: что же побуждало правителей Золотой Орды расселять черкесов за пределами Северного Кавказа на приграничных территориях? Н.А. Шафиев считал: «...пребывание адыгов в обозначенных местах могло быть связано с их службой в качестве наемников» [72, с. 35–36]. Похоже на то, что в период мирной стабилизации в Улусе Джучи золотоордынские ханы довольно быстро сделали своими главными вассалами на Северном Кавказе правителей адыгов, как наиболее многочисленного народа в регионе. Подобных взглядов придерживался М.В. Горелик, который также считал, что причиной такого высокого социального статуса черкесов в Золотой Орде было их вооружение: средняя конница в латах с саблями и отдельными предметами защитного вооружения; легкие конные лучники [17, с. 76].

Стало быть, первоначальной функцией черкесов в Поросье, которые могли появиться здесь уже во второй половине XIII в., был контроль над северо-западной границей Улуса Джучи, а не защита от нападений литовских князей. Не стоит забывать, что золотоордынцы нуждались в военной помощи черкесов при сборе дани со славянского населения Южной Руси. Что же касается пребывания черкесов на берегах Днепра в Черкассах и Каневе, то очевидно, что основной их функцией здесь были обслуживание и охрана речных переправ. И уже в начале XIV в., когда появилась угроза со стороны Велико-

го княжества Литовского, в Среднее Поднепровье могли быть переселены новые военные подразделения черкесов.

К этому следует добавить, что в Поросье, кроме черкесов, монголы могли переселять и представителей других этнических групп. На эту мысль наводит анализ погребения возле села Таганча в нижнем течении р. Рось (ил. 2).

Как известно, в 1894 г. в окрестностях деревни Таганча у города Канева в Киевской губернии в кургане был обнаружен истлевший дубовый ящик, сколоченный большими железными костылями. Рядом лежал скелет коня и черепки разбитой посуды. Там также находился костяк воина в шлеме, украшенном серебром, в железной маске и в кольчуге. Совершенно погребение было в подкурганной яме, где покойник имел западную ориентацию. Поверх доспехов погребенного была надета пурпурная мантия. На руке воина остались следы от истлевшего лука. Тут же находились сафьяновый колчан и серебряные бляхи. На груди погребенного лежал золотой шейный обруч, в руках – скипетр с серебряным набалдашником на палке из грушевого дерева. Рядом с покойником была сабля в ножнах, украшенных серебром, серебряные пуговицы, разломанная серебряная застежка, позолоченный византийский медальон с изображением Христа, большая серебряная чаша византийской работы, серебряные бляхи от щита, золотые бляхи от налучья, медный кистень и масса простых железных вещей – стрелы, удила, серп и т.п. Материалы погребения были впервые опубликованы И. Хойновским [69, с. 118–125].

Обилие и особенность инвентаря из погребения заставили исследователей по разному датировать захоронение и, в соответствии этому, связывать с различными этническими группами. Так, первая группа исследователей отнесла захоронение к предмонгольскому времени. К их числу, например, следует отнести самого И. Хойновского, который связывал это захоронение то с «печенегом», то с «неизвестным славянским князем» [69, с. 118–125]. Выдвигались и иные гипотезы. В советское время комплекс не остался без внимания исследователей, многие из которых также относили его к предмонгольскому времени. Особо следует выделить подходы С.А. Плетневой, которая сначала связала комплекс из с. Таганча не с кочевником, а с бродником, который, по ее мнению, являлся выходцем из славянской среды. На это её натолкнули некоторые особенности погребального обряда – детали христианского культа, европеоидные черты погребенного и т.п. [49, с. 185]. Однако эти же особенности позволили С.А. Плетневой через несколько десятилетий считать, что здесь был погребен «внук Беглюка и сын Рюрика, связанный с двумя знатными фамилиями – русской и половецкой» [52, с. 146–147].

П.П. Толочко отнес подкурганное захоронение у с. Таганча и подобные ему у сел Липовцы, Ковали «к торческим древностям», т.е. к предмонгольскому периоду. Для обоснования этого он приводит следующие аргументы: «их местонахождение в земле черных клобуков»; седла «принадлежали к тюркскому типу седел с высокой и округлой лукой»; «западная ориентация погребенных в масках». Как отметил исследователь, отмеченные черты в предмонгольское время не наблюдались в Половецкой степи [64, с. 80, 88].

Однако некоторые археологи придерживаются более поздней датировки захоронения у с. Таганча. К их числу следует отнести Н. Пяташеву, которая подвергла анализу железную маску из погребения воина. Это позволило ей датировать весь комплекс захоронения второй половиной XIII – первой поло-

виной XIV вв. Что касается этнической атрибуции погребенного, то Н. Пятешева отстаивает половецкую принадлежность погребенного [56, с. 14–20; 57, с. 135].

Со своей стороны, А.Е. Негин, на основе сопоставительного анализа шлема из с. Таганча с аналогичными изделиями в Восточной Европе, пришел к выводу о бытовании изделий данного типа на территории Западного Дашти и Кипчак во второй половине XIII – первой половине XIV вв. [44, с. 62–70]. К этому следует добавить наблюдения В.В. Отрощенко и Т.А. Вовк, которые считали, что во второй половине XIII в. «половцы возвращались в Половецкую степь и расселялись в Поросье». Доказательством этого, по мнению исследователей, и может являться комплекс Таганча, который представлял собой погребение «знатного половеца» [47, с. 85].

Как видим, этническая атрибуция воина из захоронения у с. Таганча остается открытой. Однако последние данные позволяют считать, что это захоронение на левом берегу в нижнем течении р. Рось появилось уже при монголах. Очевидно, это был результат переселенческой политики монголов. Нам кажется, что для выяснения происхождения воина из захоронения у с. Таганча следует привлечь данные именно с территории Золотой Орды и прилегающих земель, включая Северный Кавказ. Не исключено, что появление в Поросье подкурганых захоронений у с. Яблоновка и с. Таганча могут представлять звенья одной цепи.

Конечно, кроме черных клобуков, черкесов, половцев, в Поросье в предмонгольский и золотоордынский периоды могли проживать и другие этнические группы. Об этом могут свидетельствовать исследования, проведенные в последние два десятилетия Е.А. Шинаковым, М. Квитницким, Ю.Ю. Моргуновым, Д. Куштаном, А.П. Моцею, С.А. Беляевой и другими историками, анализ которых мог бы стать предметом отдельной историографической статьи. Следует также учитывать, что в среду смешанного населения золотоордынского Поросья могло продвигаться с севера славянское население. Однако объем настоящей статьи не позволяет подробно остановиться на этом.

Анализ данных письменных источников и археологических раскопок позволяет считать, что уже первые ханы Золотой Орды начали проводить реформы, среди которых важное место занимала политика по переселению народов. Это хорошо видно на примере степной части Северного Кавказа и Причерноморья. Однако такая миграционистская политика монголов имела свои особенности. Прежде всего, отметим связь таких переселений с улусной системой в Монгольской империи, основы которой были заложены Чингизханом. Как установили исследователи, уже в середине XIII в. на завоеванных монголами территориях Азии и Восточной Европы образовались четыре огромных государства-улуса – Улус Джучи, Улус Чагатай, Улус Хулагу и Улус Великого хана монголов (империя Юань), среди которых позиции лидера принадлежали последнему улусу [10, с. 98–99; 66, с. 43–67; 9, с. 128]. В непосредственной связи с улусной системой Монгольской империи находилась военно-административная организация общества, в соответствии с которой принцип формирования территории и комплектование вооруженных сил были между собою связаны. При этом монгольские вооруженные силы делились на три группы – центра, правой и левой руки. Во времена Чингиз-хана при формировании флангов монгольского войска наметилось отступление от тра-

диций кочевников – воинские подразделения уже не формировались по этническому признаку. В результате, такое деление привело к возникновению новой военно-административной системы Монгольской империи, очень отличной от организации предшественников [9, с. 19, 128]. В непосредственной связи с воинской улусной системой находилось также введенное Чингизханом деление монгольской армии на десятки, сотни, тысячи, туманы. При новой системе «ноян-тысячник» оказывался принадлежащим совсем к другому роду, чем «люди» его «тысячи». По мере того, как монголы покоряли новые территории и в монгольскую армию стали включать представителей подчиненных народов, данный способ организации боевых подразделений, в соответствии с территориальным и десятичным принципами, распространялся и на эти новые единицы в составе вооруженных сил монголов. Улусная система в Золотой Орде после правления Бату поддалась дальнейшей трансформации. Собственно Улус Джучи делился на улусы – на восточное и правое западное крыло. При этом такое деление было многоступенчатым. В результате монголы нарушили характерную для кочевников традицию создания административной системы по этническому принципу – здесь взял верх территориальный принцип, при котором этнические группы оказывались специально разделенными по территориям улусов. Благодаря этому монголы с целью ослабления позиций подчиненных народов могли переселять часть их в другие отдаленные от центра государства улусы [10, с. 103–104; 66, 1973, с. 49–51]. В то же время, переселенные со своих территорий части этнических групп становились опорой монголов на завоеванных территориях. Это и позволяло монголам удерживать власть продолжительное время на новых землях. Отметим, что такой принцип организации уже возобладал при первых ханах Золотой Орды.

По мнению Б.В. Черкаса, в конце XIII в. на Днепровском Правобережье существовал улус потомков Курумыши. Он должен был состоять из трех туменов, расположение которых «в соответствии по направлению течения рек, должно было быть вытянутым с Юга на Север, что было связано с направлением сезонного кочевания». Так, по мнению исследователя, вторая тьма тянулась с Юга вдоль рек Ингул, Ингулец и Южный Буг до Синих Вод на севере. К третьей тьме историк отнёс «смежные земли оседлого населения и кочевников севернее Кодымы и Синих Вод, поскольку население оседлых территорий также служило в войске Золотой Орды» [71, с. 255–256]. Что же касается первой тьмы, то Б.В. Черкас считает, что «... по крайней мере одну тьму следует локализовать на территории от современного Днепропетровска или Запорожья вдоль Днепра до Роси» [71, с. 255].

Большой курганный могильник у с. Яблоновка и курганное захоронение у с. Таганча располагались вблизи р. Рось, но на разных ее берегах (ил. 2). Рядом с с. Таганчей находился г. Канев, населенный в золотоордынское время отнюдь не монголами. Это может свидетельствовать о том, что монгольские вассалы несли здесь пограничную службу и они входили в состав отмеченной первой тьмы. Таким образом, можно говорить о том, что вдоль течения р. Рось проходила граница между Золотой Ордой и Русью.

Вторая же причина, которая стимулировала переселения в Золотой Орде, имела экономический характер. Во второй половине XIII в., вопреки распространенным стереотипам, наблюдаем экономическое возрождение Улуса Джучи

чи. Следует отметить прагматизм западных Чингизидов, которые стремились возродить функционирования торговых путей. При первых Джучидах уже были созданы благоприятные условия для внешней торговли [28].

В связи с этим резонно обратить внимание на следующий вывод Б.В. Черкаса: «Особенностью Золотой Орды, в отличие от предыдущих степных государственных образований, была именно градостроительная политика. Фактически впервые в истории Джучидам удалось принести городскую цивилизацию в открытую степь. Секретом успеха ордынской власти было то, что ей удалось взять необходимые ресурсы у оседлых народов и использовать их в кочевом обществе. При этом, саму кочевую аристократию центральная власть смогла “заразить” желанием строить города. Во многом, это стало результатом прекращения степных войн и благоприятной экономической ситуации и обогащения нобилитета» [71, с. 331–332]. К числу этих городских центров и следует отнести основанное монголами поселение Черкассы и возрожденный старый город Канев.

Как видим, переселение частей оседлых народов с Северного Кавказа в Северное Причерноморье соответствовало прагматическим соображениям уже первых правителей Золотой Орды. Анализ сообщения Иоанна де Плано Карпини об аланском наместнике монголов в селении возле Канева [32, с. 67–68] позволяет считать, что территория между Черкассами и Каневом представляла собой владение собственно Улуса Джучи. Не исключено, что в Каневе находился наместник, в задачи которого входил контроль над приграничной территорией.

В свое время В.Л. Егоров высказался в пользу того, что в Поросье после походов Батые «существовала особая полоса, находившаяся “под непосредственной властью татар”, но все же не включавшаяся в границы их государства». Протяженность ее с севера на юг, по его мнению, была довольно значительной – 200 км. Исследователь считал, что она проходила несколько выше по Днепру от Канева [22, с. 37]. В итоге В.Л. Егоров сделал вывод: «Очевидно, это была особая буферная зона, тянувшаяся вдоль пограничной полосы между русскими и золотоордынскими владениями. Характерную черту ее составляло отсутствие русской княжеской администрации, замененной ордынскими баскаками или откупщиками сбора дани» [22, с. 37–38]. В.Л. Егоров считал, что это явление «было характерным для русско-ордынского пограничья второй половины XIII в., в особенности же для его лесостепных пространств» [22, с. 38]. Как отметил исследователь, «буферная зона» могла существовать лишь «на русско-ордынском пограничье». Однако в другие времена мы ничего подобного не наблюдали. Например, никто еще не поднимал вопрос о существовании буферной зоны между границей Хазарского каганата и владениями славянских племен. Поэтому у нас нет пока оснований считать, что именно в золотоордынский период якобы существовала «буферная зона» на границе Руси и Золотой Орды.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что монголы сначала выселили значительную часть чёрных клобуков с берегов р. Рось, а потом заселили эту территорию черкесами и другими этническими группами. В этом можно видеть стремление монголов обезопасить северо-западную границу своего государства от присутствия беспокойных подданных, которые в случае мятежа могли поддержать князей Южной Руси. Судя по всему,

владения монголов проходили вдоль течения р. Рось. В результате, мы можем говорить о существовании в Поросье «контактной зоны», сформировавшейся в XII–XIII вв. на южных рубежах Киевского княжества, а в золотоордынскую эпоху ставшей пограничной периферией владений Джучидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 297 с.
2. Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев: Тип. Т. Г. Корчак-Новицкого, 1886. Ч. 7. Т. 1. 85 + 647 + xii с.
3. *Баскаков Н.А.* Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // Ономастика Востока. М.: Наука, 1980. С. 199–210.
4. *Беляева С., Бубенок О., Гудогдыев О., Дрига И., Маврина О.* Огузы на рубежах Южной Руси. Киев: Ин-т востоковед. им. А.Е. Крымского НАНУ, 2018. 224 с.
5. *Березин И.* Нашествие Батые на Россию // Журнал министерства народного просвещения. СПб.: 1855. № 86 (апрель). II отделение. С. 79–114.
6. *Брун Ф.* Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877 г.): [в 2 ч.]. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. Т. 1. iv + 277 с.
7. *Бубенок О.Б.* Следы исчезнувших торков Северного Причерноморья // Східний світ. Київ: Ін-т сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАНУ, 2014. № 1. С. 13–25.
8. *Бубенок О.Б.* Проблема черных клобуков в восточноевропейской историографии от XVIII до наших дней // Східний світ. Київ: Ін-т сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАНУ, 2014. № 4. С. 45–64.
9. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь: Леан; М.: Аграф, 1997. 412 с.
10. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. xii + 224 с.
11. Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. Т. 7. 355 с.
12. *Георгий Пахимер.* История о Михаиле и Андронике Палеологах // Византийские историки. Санкт-Петербург: С.-Петербург. духовная акад., 1862. Т. I. С. 1–526.
13. *Головко О.Б.* Торки в історії причорноморських степів // Східний світ, № 1–2: Етнопон. До 80-річчя академіка О. Прицака. Київ: Ін-т сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАНУ, 1999. С. 112–122.
14. *Головко А.Б.* Рейд туменов Джебе и Субедея в Восточную Европу 1222–1223 гг. в процессе формирования Монгольской империи и *Rex Mongolica* // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. Ижевск: УдГУ, 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 46–58.
15. *Голубовский П.В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. // Киевские университетские известия. Киев: Ун-т Св. Владимира, 1883. Июль. 262 с.
16. *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов в Малой Азии. М.; Л.: АН СССР, 1941. 204 с.
17. *Горелик М.В.* Погребение черкесского воина 2 пол. XIII – 1 пол. XIV вв. в Поросье // Історія давньої зброї. Дослідження. Київ: Ін-т історії України НАН України, 2014. С. 73–88.
18. *Горленко В.Ф.* Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX вв. // Советская этнография. М.: Ин-т этнографии АН СССР. 1982. № 3. С. 96–107.
19. *Грушевський М.* Історія України-Руси, Т. 2: XI–XIII вік. Київ: Наук. думка, 1992. 633 с.

20. Гундогдыев О. Прошлое туркмен. М.: Интерстамо, 1998. 625 с.
21. Дружинина И.А. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т археологии РАН, 2018. 622 с.
22. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
23. Еремеев Д.Е. К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. М.: Мысль, 1970. С. 133–142.
24. Иванов П.П. Каракалпаки // Советская этнография. М.; Л.: Ин-т этнографии АН СССР, 1940. Т. 4. С. 23–54.
25. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. Т. 2. 377 с.
26. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Т. 2. 638 с.
27. История Венгрии в 3-х томах. Ред. Т.М. Исламов, А.И. Пушкаш, В.П. Шушарин. М.: Наука, 1971. Т. 1. 644 с.
28. Калан Э. Торгово-экономические связи Улуса Джучи (Золотой Орды) со странами Востока (вторая половина XIII–XIV вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 24 с.
29. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. Т. II. 316 + 100 + 85–260 + [4] с.
30. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб.: Изд-во Е. Евдокимова, 1892. Т. 5. 254 + 166 с.
31. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития Руси: Древняя Русь и кочевники. М.: Высшая школа, 1967. 266 с.
32. Карпини Плано. История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Шастина Н.П. (ред.). М.: Географиз, 1957. С. 1–65.
33. Київська область // Історія міст і сіл УРСР. Київ: Інститут історії АН УРСР, 1971. Т. 26. 791 с.
34. Кляшторный С.Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // *Mongolica*. К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, 1993. С. 139–147.
35. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд. ХГУ, 1956. 345 с.
36. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием MONGGOL-UN NIᠮᠤᠴАТОВᠰИᠶᠠᠨ. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.
37. Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. 316 с.
38. Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы изучения // Археологія і давня історія України. Київ: Ін-т археології НАНУ та інш., 2011. Вип. 7. С. 21–78.
39. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Пер. Г.Г. Литаврина. М.: Наука, 1989. 496 с.
40. Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1899. 73 с.
41. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. Т. 1. С. 1–123.
42. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Л.: АН СССР, 1926–1928. Т. 1. 379 с.
43. Масальский В.И. Туркестанский край // Россия. СПб., 1913. Т. 19. 861 с.
44. Негин А.Е. Об одном типе шлемов из кочевнических погребений с территории Западного Дешт-и-Кыпчак // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2012. Т. 3. № 6. С. 62–70.

45. *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 254 с.
46. *Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М.* Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев: Наукова думка, 1985. С. 30–61.
47. *Отрощенко В.В., Вовк Т.А.* Золотоординський період в історії половців // Етноси України. Тюркський світ. Київ, 2000. С. 81–88.
48. *Падалка Л.В.* Историческая обстановка формирования бытового уклада народной жизни на Полтавщине. Полтава: Тип. Маркевича, 1910. 62 с.
49. *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы исследования по археологии СССР. М.: АН СССР, 1958. № 62. С. 151–226.
50. *Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 190 с.
51. *Плетнева С.А.* Половцы. М.: Наука, 1990. 204 с.
52. *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 247 с.
53. *Покас П.М.* О физическом типе древнерусского населения Правобережья Украины // Антропологические данные о составе древнего населения на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1984. С. 66–75.
54. *Прицак О.* Печеніги // Український історик. Нью-Йорк; Мюнхен, 1970. № 1–3. С. 25–27.
55. *Пьянков А.В.* О времени прекращения кремирования умерших у средневековых адыгов // Древности Кубани. Краснодар, 1998. Вып. 11. С. 22–27.
56. *Пятьшева Н.В.* Железная маска из Херсонеса. М., 1964. 40 с.
57. *Пятьшева Н.В.* Железная маска из Серенска в экспозиции Государственного исторического музея // Труды ГИМ. М.: ГИМ, 1980. С. 134–139.
58. *Расовский Д.* О роли черных клобуков в истории древней Руси // *Seminarium Kondakovianum*. Praha, 1927. Т. 1. С. 91–109.
59. *Расовский Д.А.* Печенеги, торки и береди на Руси и в Угрии // Из истории русской культуры, Т. II, Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 82–142.
60. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л.: АН СССР, 1960. Т. II. 248 с.
61. *Рашид ад-Дин.* Джамий ат-Таварих. Критический текст. М.: Вост. лит., 1980. Т. II. Ч. I.
62. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Т. 2: Извлечение из персидских сочинений / Подг. В.Г. Тизенгаузен. М.; Л.: АН СССР, 1941. 208 с.
63. Татаро-монголы в Азии и Европе. Второе изд. / Под ред. С.Л. Тихвинского. М.: Наука, 1977. 503 с.
64. *Толочко П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев: Абрис., 1969. 200 с.
65. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 276 с.
66. *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. 180 с.
67. *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII века. Пятигорск: Пятигорский гос. технологический ун-т, 2002. 73 с.
68. *Фоменко В.А.* Белореченские курганы XIII–XV вв. и белореченская археологическая культура // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь: СКФУ, 2018. Вып. 1. С. 117–126.
69. *Хойновский И.* Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896. Вып. 1. 221 с.
70. *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. М.: АСТ ЛЮКС, 2005. 557 с.

71. Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста. (XIII–XIV ст.). Київ: Ін-т історії України НАНУ, 2014. 387 с.

72. Шафиев Н.А. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV–XVI вв.). Нальчик: Эльбрус, 1968. 164 с.

73. Шорохов В.А. Венгры в Северном Причерноморье по данным «Анонимной записки» // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2011. Вып. 3. С. 69–74.

74. Шушарин В.П. Христианизация венгров // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М.: Наука, 1988. С. 159–186.

75. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumenta Germaniiae Historica recusi. Hannoverae, 1890. 224 p.

Сведения об авторах: Олег Борисович Бубенок – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Евразийской степи Института востоковедения им. А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины (01001, ул. Грушевского, 4, Киев, Украина). E-mail: helgebub@gmail.com

Александр Борисович Головка – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского Национальной академии наук Украины (01001, ул. Трёхсвятительская, 4, Киев, Украина). E-mail: alexholovko@ukr.net

Поступила 15.02.2021 Принята к публикации 29.06.2021

Опубликована 29.09.2021

REFERENCES

1. Agadzhanov S.G. *Essays on the History of the Oghuz and Turkmens of Central Asia from the ninth to thirteenth centuries*. Ashkhabad: Ylym, 1969. 297 p. (In Russian)
2. *Archive of South-West Russia Published by the Commission for the Analysis of Ancient Acts Subordinate to the Kyiv Military, Podillian, and Volhynian Governor-general*. Kyiv: Tipografiya T.G. Korchak-Novitskogo, 1886, part 7, vol. 1. 85 + 647+ xii p. (In Russian)
3. Baskakov N.A. Models of Turkic ethnonyms and their typological classification. *Onomastics of the East*. Moscow: Nauka, 1980, pp. 199–210. (In Russian)
4. Belyayeva S., Bubenok O., Gudogdyev O., Driga I., Mavrina O. *The Oguzes on the Borders of Southern Rus'*. Kyiv: Institut vostokovedeniya im. A.E. Krymskogo NANU, 2018. 224 p. (In Russian)
5. Berezin I. Batu's invasion of Russia. *Journal of the Ministry of Public Education*. St. Petersburg, 1855, no. 86 (April), second section, pp. 79–114. (In Russian)
6. Brun F. *Collection of Studies on the Historical Geography of Southern Russia (1852–1877): [in 2 parts]*. Odessa: Tipografiya G. Ul'rikha, 1879, vol. 1. IV. 277 p. (In Russian)
7. Bubenok O.B. The traces of disappeared Torks of the North Black Sea region. *Oriental World*. Kyiv: Institut vostokovedeniya im. A.E. Krymskogo NANU, 2014, no. 1, pp. 13–25. (In Russian)
8. Bubenok O.B. The problem of the Black Hoods in East European historiography from the eighteenth century to the present day. *The World of Orient*. Kyiv: Institut vostokovedeniya im. A.E. Krymskogo NANU, 2014, no. 4, pp. 45–64. (In Russian)

9. Vernadskiy G.V. *The Mongols and Rus'*. Tver: Lean; Moscow: Agraf, 1997. 412 p. (In Russian)
10. Vladimirtsov B.Ya. *The Social System of the Mongols*. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1934. xii + 224 p. (In Russian)
11. Voskresenskaya Chronicle. *Complete Collection of Russian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1856, vol. 7. 355 p. (In Russian)
12. Georgius Pachymeres. *The History of Michael and Andronicus Palaeologus. Byzantina xronika*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskaya dukhovnaya akademiya, 1862, vol. 1, pp. 1–526. (In Russian)
13. Holovko O.B. The Torks in the history of the Pontic steppes. *Oriental World*, no. 1–2: *Etymon. On the 80th Birthday of Academician O. Pritsak*. Kyiv: Institut vostoavedeniya im. A.E. Krymskogo NANU, 1999, pp. 112–122. (In Ukrainian)
14. Golovko A.B. The raid of Jebe and Subedei's tumens to Eastern Europe in 1222–1223 during the process of forming the Mongol Empire and Pax Mongolica. *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*. Izhevsk: Ud.GU, 2016, vol. 26, is.1, pp. 46–58. (In Russian)
15. Golubovskiy P.V. The Pechenegs, Torks, and Polovcians before the Tatar invasion. History of the South Russian steppes from the ninth to thirteenth centuries. *Kyiv University News*. Kyiv: Universitet Sv. Vladimira, 1883, July. 262 p. (In Russian)
16. Gordlevskiy V.A. *The State of the Seljukids in Asia Minor*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. 204 p. (In Russian)
17. Gorelik M.V. A burial of the Circassian warrior of the second half of thirteenth or first half of fourteenth century in the Ros' River basin. *History of Ancient Weapons. Research*. Kyiv: Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2014, pp. 73–88. (In Russian)
18. Gorlenko V.F. About the ethnonym “Cherkasy” in domestic research from the late eighteenth to first half of nineteenth centuries. *Soviet Ethnography*. Moscow: Institut etnografii AN SSSR, 1982, no. 3, pp. 96–107. (In Russian)
19. Hrushevs'kyi M. *History of Ukraine-Rus'*, Vol. 2: *From the eleventh to thirteenth century*. Kyiv: Naukova dumka, 1992. 633 p. (In Ukrainian)
20. Gundogdyev O. *The Past of the Turkmens*. Moscow: Interstamo, 1998. 625 p. (In Russian)
21. Druzhinina I.A. *Funeral Monuments of the Northeast Black Sea Region and the Northern Caucasus from the thirteenth to eighteenth centuries as a Source on the History of the Adyghe Peoples*. PhD Thesis. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2018. 622 p. (In Russian)
22. Egorov V.L. *The Historical Geography of the Golden Horde in the thirteenth and fourteenth centuries*. Moscow: Nauka, 1985. 245 p. (In Russian)
23. Eremeyev D.E. On the semantics of Turkic ethnonymy. *Ethnonyms*. Moscow: Mysl', 1970, pp. 133–142. (In Russian)
24. Ivanov P.P. The Karakalpaks. *Soviet Ethnography*. Moscow; Leningrad: Institut etnografii AN SSSR, 1940, vol. 4, pp. 23–54. (In Russian)
25. Hypatian Chronicle. *Complete Collection of Russian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1846, vol. 2. 377 p. (In Russian)
26. Hypatian Chronicle. *Complete Collection of Russian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1908, vol. 2. 638 p. (In Russian)
27. *History of Hungary in Three Volumes*. Islamov T.M. et al. (eds). Moscow: Nauka, 1971, vol. 1. 644 p. (In Russian)
28. Kalan E. *Trade and Economic Relations of the Ulus of Jochi (Golden Horde) with the Countries of the East (second half of thirteenth and fourteenth century)*. PhD Thesis. Kazan, 2011. 24 p. (In Russian)
29. Karamzin N.M. *History of the Russian State*. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha, 1818, vol. 2. 316 + 100 + 85–260 + [4] p. (In Russian)

30. Karamzin N.M. *History of the Russian State*. St. Petersburg: Izdatel'stvo E. Evdokimova, 1892, vol. 5. 254 + 166 p. (In Russian)
31. Kargalov V.V. *Foreign Policy Factors of the Development of Rus': Ancient Rus' and Nomads*. Moscow: Vysshaya shkola, 1967. 266 p. (In Russian)
32. John of Plano Carpini. History of the Mongols. N.P. Shastina (ed.). *Travels to the Eastern Countries of John of Plano Carpini and William of Rubruk*. Moscow: Geografiz, 1957, p. 1–65. (In Russian)
33. Kyiv region. *History of Cities and Villages of the Ukrainian Soviet Socialist Republic*. Kyiv: Institut istorii AN URSR, 1971, vol. 26. 791 p. (In Ukrainian)
34. Klyashtornyy S.G. Tatar States in Central Asia (pre-Chinggisid era). *Mongolica. To the 750th Anniversary of the "Secret History of the Mongols"*. Moscow: Nauka, 1993, pp. 139–147. (In Russian)
35. Kovalevskiy A.P. *The Book of Ahmad ibn Fadlan about His Journey to the Volga in 921–922*. Kharkov: Izd. KhGU, 1956. 345 p. (In Russian)
36. Kozin S.A. *The Secret History of the Mongols*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. 620 p. (In Russian)
37. Kokov Dzh.N. *The Adyge (Circassian) Toponymy*. Nal'chik: El'brus 1974. 316 p. (In Russian)
38. Komar A.V. The ancient Magyars of Ethelkez: Perspectives for studying. *Archaeology and Ancient History of Ukraine*. Kyiv: Institut arkeologii NANU, 2011, iss. 7, pp. 21–78. (In Russian)
39. Constantine Porphyrogenitus. *On the Governance of the Empire*. Litavrin G.G. (tr.). Moscow: Nauka, 1989. 496 p. (In Russian)
40. Kulakovskiy Yu.A. *The Alans according to the Classical and Byzantine Writers*. Kyiv: Tipografiya Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira N.T. Korchak-Novitskogo, 1899. 73 p. (In Russian)
41. Laurentian Chronicle. *Complete Collection of Russian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1846, vol. 1, pp. 1–123. (In Russian)
42. Laurentian Chronicle. *Complete Collection of Russian Chronicles*. Leningrad: AN SSSR, 1926–1928, vol. 1. 379 p. (In Russian)
43. Masal'skiy V.I. The Turkestan region. *Russia*. St. Peterburg, 1913, vol. 19. 861 p. (In Russian)
44. Negin A.E. About one type of helmet from nomadic burials in the territory of Western Desht-i-Kipchak. *Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University*. Nizhny Novgorod, 2012, vol. 3, no. 6, pp. 62–70. (In Russian)
45. Novosel'tsev A.P. *The Khazar State and Its Role in the History of Eastern Europe and the Caucasus*. Moscow: Nauka, 1990. 254 p. (In Russian)
46. Orlov R.S., Motsya A.P., Pokas P.M. Studies of the chronicles' Juriev city on the Ros' River and its environs. *Lands of South Rus' from the ninth to fourteenth century*. Kyiv: Naukova dumka, 1985, pp. 30–61. (In Russian)
47. Otroshchenko V.V., Vovk T.A. The Golden Horde period in the history of the Polovcians. *Ethnic groups of Ukraine. Turkic World*. Kyiv, 2000, pp. 81–88. (In Ukrainian)
48. Padalka L.V. *The Historical Situation during the Formation of Everyday Life of the People in the Poltava Region*. Poltava: Tipografiya Markevicha, 1910. 62 p. (In Russian)
49. Pletneva S.A. The Pechenegs, Torks, and Polovcians in the South Rus'ian steppes. *Research Materials on the Archaeology of the USSR*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958, no. 62, pp. 151–226. (In Russian)
50. Pletneva S.A. *Nomads of the Middle Ages. The Searching for Historical Patterns*. Moscow: Nauka, 1982. 190 p. (In Russian)
51. Pletneva S.A. *The Polovcians*. Moscow: Nauka, 1990. 204 p. (In Russian)

52. Pletneva S.A. *Nomads of the South Rus'ian Steppes in the Middle Ages. From the fourth to thirteenth century*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003. 247 p. (In Russian)
53. Pokas P.M. About the physical type of the Old Rus'ian population in the Right Bank of Ukraine. *Anthropological Data on the Composition of the Ancient Population on the Territory of Ukraine*. Kyiv: Naukova dumka, 1984, pp. 66–75. (In Russian)
54. Pritsak O. The Pechenegs. *Ukrainian Historian*. New York; Munich, 1970, no. 1–3, pp. 25–27. (In Ukrainian)
55. P'yankov A.V. About the time when the medieval Circassians stopped cremating the dead. *Antiquities of the Kuban Region*. Krasnodar, 1998, iss. 11, pp. 22–27. (In Russian)
56. Pyatysheva N.V. *An Iron Mask from Chersonese*. Moscow, 1964. 40 p. (In Russian)
57. Pyatysheva N.V. An iron mask from Serensk in the exposition of the State Historical Museum. *Proceedings of the State Historical Museum*. Moscow: GIM, 1980, pp. 134–139. (In Russian)
58. Rasovskiy D. Concerning the role of the Black Hoods in the history of Ancient Rus'. *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1927, vol. 1, pp. 91–109. (In Russian)
59. Rasovskiy D.A. The Pechenegs, Torks, and Berendeys in Rus' and Hungary. *From the History of Russian Culture*, Vol. 2, Book 1: *Kyivan and Muscovite Rus'*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002, pp. 82–142. (In Russian)
60. Rashid al-Din. *Compendium of Chronicles*. Verkhovskiy Yu.P. (tr.), Petrushevskiy I.P. (ed.). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960, vol. 2. 253 p. (In Russian)
61. Rashid al-Din. *Compendium of Chronicles. Critical Text*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1980, vol. 2, book 1. (In Persian)
62. Tizengauzen V.G. (ed.). *Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde*, Vol. 2: *Extracts from the Persian Writings*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. 208 p. (In Persian and Russian)
63. *The Tatar-Mongols in Asia and Europe*. Second Edition. Tikhvinskiy S.L. (ed.). Moscow: Nauka, 1977. 503 p. (In Russian)
64. Tolochko P. *Nomadic Peoples of the Steppes and Kyivan Rus'*. Kyiv: Abris., 1969. 200 p. (In Russian)
65. Fedorov-Davydov G.A. *Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans*. Moscow: MGU, 1966. 276 p. (In Russian)
66. Fedorov-Davydov G.A. *Social System of the Golden Horde*. Moscow: MGU, 1973. 180 p. (In Russian)
67. Fomenko V.A. *Pyatigorye from the fifteenth to middle of eighteenth century*. Pyatigorsk: Pyatigorskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskiiy universitet, 2002. 73 p. (In Russian)
68. Fomenko V.A. Belorechensk tumuli from the thirteenth to fifteenth century and Belorechensk archaeological culture. *From the History of Culture among the Peoples of the North Caucasus*. Stavropol: SKFU, 2018, iss. 1, pp. 117–126. (In Russian)
69. Khoynovskiy I. *Brief Archaeological Information about the Ancestors of the Slavs and Rus'*. Kyiv, 1896, iss. 1. 221 p. (In Russian)
70. Khrapachevskiy R.P. *Chinggis Khan's Military State*. Moscow: AST LYUKS, 2005. 557 p. (In Russian)
71. Cherkas B. *The Western Possessions of the Ulus of Jochi: Political History, Territorial Administrative System, Economy, and Cities*. Kyiv: Institut istoriyi Ukrayiny NANU, 2014. 387 p. (In Ukrainian)
72. Shafiyev N.A. *History and Culture of the Kabardinians in the Late Middle Ages (from the fourteenth to sixteenth centuries)*. Nal'chik: El'brus, 1968. 164 p. (In Russian)
73. Shorokhov V.A. Hungarians in the North Black Sea Region according to the "Anonymous Note". *Bulletin of Udmurt University*. Izhevsk, 2011, iss. 3, pp. 69–74. (In Russian)

74. Shusharin V.P. The Christianization of Hungarians. *The Adoption of Christianity by the Peoples of Central and Southeastern Europe and the Baptism of Rus'*. Moscow: Nauka, 1988, pp. 159–186. (In Russian)

75. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon. *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumenta Germaniiae Historicae recusi*. Hannoverae, 1890. 224 p. (In Latin)

About the authors: Oleg B. Bubenok – Dr. Sci. (History), Professor, Chief of the Eurasian Steppe Department at the A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine (4, Hrushevsky Str., Kyiv 01001, Ukraine). E-mail: helgebub@gmail.com

Alexander B. Golovko – Dr. Sci. (History), Senior Researcher at the M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Source Study of the National Academy of Sciences of Ukraine (4, Trekhsvyatitelskaya Str., Kyiv 01001, Ukraine). E-mail: alexholovko@ukr.net

Received February 15, 2021 Accepted for publication June 29, 2021

Published September 29, 2021